
<https://doi.org/10.5281/zenodo.4594507>

УДК 82-344

Жиркова М.А., Шевченко Л.А.

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит.А. E-mail: manp@mail.ru.

Шевченко Лидия Андреевна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит.А. E-mail: shevchenkolidia1901@mail.ru.

Образ русалки в «Русалочьих сказках» А.Н. Толстого

Аннотация. Статья посвящена анализу образа русалки из «Русалочьих сказок» А.Н. Толстого. Цель работы – определить своеобразие образа в сравнении с народно-мифологическими представлениями. Русалка принадлежит к потустороннему миру и является вредоносным и опасным для человека существом. Писатель не только показывает встречу человека и русалки как представителя низшей демонологии и ее последствий («Русалка», «Иван да Марья»), а также приглашает читателя в мир русалок, предлагает погрузиться на дно речки («Ведьмак») или присоединиться к общему ликованию («Иван-царевич и Алая-Алица»). В сказках появляется психологическая мотивировка поведения фольклорного образа. В цикле можно заметить эволюцию авторского представления образа русалки: от опасного, способного извести человека, до беззаботного игривого существа, радующегося вместе со всеми.

Ключевые слова: образ, русалка, А.Н. Толстой, сказка, цикл, народная демонология, время, сюжет.

Zhirkova M. A., Shevchenko L. A.

Zhirkova Marina Anatolyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 196605, Saint Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10 lit. A. E-mail: manp@mail.ru.

Lidiya A. Shevchenko, Lenin-Grad State University named after A. S. Pushkin. 196605, Saint Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10 lit. A. E-mail: shevchenkolidia1901@mail.ru.

The image of a mermaid in the "Mermaid Tales" by A. N. Tolstoy

Abstract. A. N. Tolstoy devotes the article to the analysis of the image of a mermaid from the «Mermaid tales». The purpose of the work is to determine its originality in comparison with folk mythological representations. The mermaid belongs to the other world and is a harmful and dangerous creature for humans. The writer not only shows the meeting of a man and a mermaid as a representative of the lower demonology and its consequences («Rusalka», «Ivan da Marya»), but also invites the reader to the world of mermaids, offers to dive to the bottom of the river («After all-Mak») or join in the General jubilation («Ivan Tsarevich and Alaya-Alitsa»). In fairy tales, there is a psychological motivation for the behavior of the folklore image. In the cycle, you can see the evolution of the author's representation of the image of the mermaid: from a dangerous, capable of lime man, to a carefree playful creature, rejoicing with everyone.

Key words: image, mermaid, A. N. Tolstoy, fairy tale, cycle, folk demonology, time, plot.

Русалка – мифологический и фольклорный образ, широко представленный в литературе. Она является героиней баллад Пушкина, Лермонтова, сказочных повестей Гоголя и произведений других авторов. В литературе чаще всего встречается один тип юной красавицы, очаровывающей своей красотой и губящей человека. Фольклористы и этнографы, изучающие происхождение и бытование образа русалки, отмечают его неоднозначность и амбивалентность. Происхождение русалок исследователи связывают с покойниками, умершими неестественной или насильственной смертью: самоубийцы; проклятые родителями; скончавшиеся до крещения дети; невесты, не дожившие до свадьбы; утопленницы, купавшиеся без креста; девушки, скончавшиеся в русальную неделю [6, с. 145-148]. В науке таких мертвецов называют «заложными» (термин ввел Д.К. Зеленин) или ходячими, потому что души тех, кто погиб такой смертью, не находят покоя и скитаются по земле.

С.В. Травников считает, что двойственность русалок связана с их происхождением (были людьми) и смертью (насильственной, неестественной), поэтому они могут как помогать людям: охранять посевы, содействовать урожаю, развлекать ребенка, оставленного в поле, и т.п. – так и причинять зло: защекотать, утащить, утопить [19, с. 29]. Исследователь выделяет в народной мифологии три типа русалок: 1) молодые красивые девушки в белых полупрозрачных одеяниях, с длинными распущенными волосами; 2) страшные старые русалки, горбатые, рогатые, косматые, похожие на ведьм; 3) полуженщины-полурыбы, получившие название «фараонки» [19, с. 29-30]. Ученые указывают на книжное происхождение такого типа русалок и его связь с апокрифической легендой о фараоновой армии, преследовавшей евреев и потонувшей по молитве Моисея при переходе через Красное море [6, с. 152; 19, с. 30;

11, с. 152, 216]. Именно последний тип русалок, мало распространенный в фольклоре, «самый малочисленный разряд» (Л.Н. Виноградова [6, с. 150]), стал самым популярным в современной культуре. Как видим, в фольклорных текстах русалка не всегда является прекрасной девушкой, которая хочет завлечь юношу. Это может быть страшный, пугающий образ; обычно русалки хотят причинить вред: затянуть в воду, защекотать, забрать с собой на тот свет.

Однако фольклорно-мифологический персонаж, вступая во взаимоотношения с литературным сюжетом, неизбежно изменялся и преобразовывался.

В центре нашего внимания «Русалочки сказки» А.Н. Толстого. Цикл создан в период с 1909 по 1910 гг. и состоит из четырнадцати сказок. В комментариях к полному собранию сочинений писателя рассказывается об истории их публикации [3, с. 444-446]: первоначально «Русалочки сказки» составляли с «Сорочьими» единый цикл, изданный отдельной книгой в 1910 г., в состав которой входила сорок одна сказка. Разделение на два цикла произошло при следующей публикации в 1923 г. в сборнике «Приворот», состоящем из двух сказочных и двух стихотворных циклов. Книгу открывали «Русалочки сказки» и первой стала «Русалка», ранее носившая названия «Неугомонное сердце». Далее следовали «Сорочьи сказки», первая из которых – «Сорока». Можно предположить, что сказки, открывающие циклы и дали им название: «Русалочки» и «Сорочьи». Завершали книгу стихотворные циклы «Солнечные песни» и «За синими реками».

В «Русалочьих сказках» в четырех из четырнадцати появляется русалка. Правда, только в первой сказке она является главной героиней, в остальных: «Иван да Марья», «Ведьмак» и «Иван Царевич и Алая-Алица» – это второстепенный персонаж, наряду с другими

представителями низшей демонологии. Русалку можно назвать собирательным образом некоторых хтонических персонажей: в ней есть черты кикиморы, водяного, лешего, полевика. Исследователь «Русалочьих сказок», В.А. Головкин пишет, что русалка – первый образ в ряду авторской демонологии, одноименная сказка выводится писателем в сильную позицию первого текста цикла, задающего его атмосферу встречи человека с хтоническими силами [9, с. 21]. В сказках писателя встречаются такие природные образы, как леший, кикимора, русалка, водяной, полевик; духи дома: овинник, анчутка, такие представители нечистой силы, как змей и ведьмак. Но русалка – самый частотный персонаж. По мнению исследователя, создавая «Русалочьи сказки», Толстой ставит перед собой, по сути дела, энциклопедическую задачу – создание полноценного свода народных представлений о нечистой силе в предельно краткой и экспрессивной форме авторской сказки, подражающей исходному народному сказу и переосмысляющей национальную традицию [9, с. 18]. Известно, что стихотворные циклы «Солнечные песни», «За синими реками», как и «Сорочьи» и «Русалочьи сказки» создавались под влиянием творчества А. Ремизова, увлеченного фольклором и задачей сохранения народной культуры, исчезающей с появлением нового века [17, с. 98]. А.Н. Толстой называл А. Ремизова своим учителем: «Он научил меня любить народный язык, народную поэзию. <...> он толкнул меня к изучению народного творчества, и это было уже для меня большим делом» [7, с. 203].

«Русалочьи сказки» традиционно относят к жанру сказки, но исследователи также указывают на их близость к народным быличкам и бывальщинам, что связано с особым сюжетом, в центре которого встреча человека с демонической силой, воплощенной в образе того или иного природного сверхъестественного существа: лешим, русалкой, домовым водяным и т.п. [8, с. 24]. В данном случае нам важен не жанровый аспект, а эмоцио-

нальная атмосфера названных фольклорных жанров: мрачная, жуткая, близкая к кошмарам и трагический финал. Подобный сюжет реализует первая сказка «Русалка», задавая определенную тональность всему сборнику.

Действие сказки Толстого «Русалка» начинается зимой, главный герой – дед Семен – опытный рыболов, устраивает хитрую прорубь на замерзшей реке. Старик получает невиданный улов, который радует и удивляет его. После того как вытащил из проруби сачки, полные серебряной рыбешки, старик разглядел на дне реки большую рыбину. Несет дед Семен домой именно рыбу, только дома он узнает, что принес русалку. Героиня попадает в сети старика как добыча. Когда понял, кого он принес, то испугался. Он знает, что русалка принадлежит к нечисти, о ней ходят легенды и поверья, как об опасном, злом существе, способном убить человека. Обычно, русалку представляли, как хрупкую деву с рыбьим хвостом, но писатель старается отстраниться от романтизации внешнего вида русалки. В описание русалки в сказке Толстого обозначено ее рыбо-водное естество: сквозь воду она показалась старику большой темной рыбиной: «А я тебя было за щуку опознал» [18, с. 41]; она имеет рыбий хвост: «И на столе вытянула зеленый плес» [18, с. 40] – за который ее потом тянет внук Федька. В словаре народных говоров зафиксировано слово «плёс» в значении рыбьего хвоста в том числе и на Смоленской земле, родине писателя [16, с. 113]. Кроме этого присутствует в тексте указание на ее принадлежность к животному миру: глаза русалки светятся. Все это подчеркивает ее хтоническое начало. Но писатель также сохраняет ее сходство с человеком: «личико – спокойное, детское», «и грудь у нее дышит, как у человека» [18, с. 40].

Дед живет на краю села вдвоем с котом. В том, что дом стоит на краю села, уже присутствует указание на отдаление и отделение старика от всех. У него есть внук Федя, но мальчик не живет с ним, а просто приходит к деду в гости. Русалка

настолько очаровывает старика: «Век бы на нее просмотрел» [18, с. 42], что он ради нее, ее забав он продает сначала овцу, потом лошадь, прогоняет родного внука, отрезая себя фактически от связи с живыми людьми, а в конце убивает своего старого кота. Кот изначально чувствует, что старик принес в дом нечто, не принадлежащее этому миру: «Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, – горят котовские глаза. <...> Кот ходит, на решето глядит... <...> кот от решета не отходит» [18, с. 40]. Именно ему дано понимание инфернальности нового существа, появившегося в их доме и постепенно захватывающего его, лишая все живого: «А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие» [18, с. 42]. Он рвется убить русалку в тот момент, когда она просит старика крышу разобрать, чтобы солнце пустить в избу:

«– Дед, дед! – закричала русалка. – Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота.

– Удуши кота, удуши кота, – плачет русалка» [18, с. 42].

Известно, что отношение к котам (кошкам) в народе двойственное. С одной стороны, это самое распространенное домашнее животное, близкое к людям: ловит мышей, убаюкивает детей, приносит счастье в дом. Считалось, что, если кто убьет кота, тому семь лет ни в чем удачи не будет, на семь лет он навлечет на себя проклятие. С другой – кошка связана с нечистой силой, спутница ведьм и колдунов, они сами могут принять облик черной кошки [10, с. 637-640]. Эта ее связь с нечистью позволяет видеть духов, чувствовать демонических существ.

У деда – старый рыжий кот, который живет с ним много лет, он его друг и защитник, кот защищает и дом, и его са-

мого от всякой нечисти, способной принести вред человеку. Кот у деда рыжий, его цвет соотносится с образом солнца, которое связано со светом, жизнью, радостью. Кот старый и мудрый, он понимает свое бессилие перед злым существом из потустороннего мира, что постепенно захватило его дом и старика, поэтому покорно принимает свою смерть. Дед совершает страшное преступление: вешает кота в пустом хлеву, ключ от которого выбрасывает в колодец. Страшное – потому что убивает друга, предает его, а последним жестом – выбрасывание ключа в колодец – отрезает себя от мира живых. Ключ от хлева дед Семен выбрасывает в колодец, который в славянской мифологии мыслится как проводник в мир потусторонних сил и возможное место обитания хтонических сил [4, с. 536-541]. Этим действием он окончательно отдает себя в руки демонического существа. Кот в сказке своеобразный «страж», и его убийство символизирует переход к миру мертвых всего дома, который охраняло животное. Эта смерть кота предвещает и смерть старика, как бы подсказывает ему, что нужно избавиться от речной девы, потому что иначе наступит неизбежный крах.

Русалка не сразу погубила деда Семена. Когда старик нашел ее в реке, была глубокая зима: не русалочье время. Дед рыбачил зимой, придумал прорубь с ледяной ловушкой на реке, в который вместе с рыбой попала и русалка. Получается, что он ее потревожил, нарушил покой, зимний сон, вторгся в ее пространство и насильно забрал из привычной для нее водной стихии: «Посветил фонарем в прорубь – и видит, на дне около кольца лежит темная рыбина. Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину. А она хвостом не бьет, – смиренная» [18, с. 40]. Смирная, потому что она спит в это время. По народным поверьям после своего пребывания на земле русалка возвращается в свой мир: в воду или землю (на кладбище) [5, с. 497; 6, с.

155-156]. Л.Н. Виноградова пишет о русалочьем времени как о строго ограниченном: они появлялись на Троицу (или Семик), а исчезали в последний день Русальной недели или в первый понедельник Петрова поста (реже – накануне Ивана Купалы) [6, с. 144] – это конец мая-июнь. Русалка в сказке Толстого ждала Русальной недели. В это время русалки выходят из воды, на березовых ветках качаются, на старых дубах сидят, у реки косы расчесывают, танцуют, песни поют, могут защекотать до смерти или утащить в воду [6, с. 154].

Время в сказке динамично, оно не стоит на месте. Вместе с ним меняется и характер русалки; приближение к русалиям делает ее сильнее. Приблизительно в это время она и просит деда отнести ее к девушкам: «Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни» [18, с. 42], а это значит, что приближается ее время – время пребывания русалок на земле. Известна любовь русалок к песням и танцам; наступила весна, яркое солнце, распускающиеся березки – все это манит русалку из дома деда, в котором она вынужденно оказалась. Она была беспомощна что-либо изменить зимой, а теперь она окрепла и хочет вернуться в свой мир.

Русалок называют по-разному. Д.К. Зеленин приводит различные народные названия русалок: русава, русавка, купалка, водяница и др., в том числе ученый пишет о русалках-детях, которые имеют особое наименование: мавки [11, с. 147, 151, 181]. Словарь народных говоров также фиксирует подобное значение слова: «мавка» – это девочка, умершая некрещенной, и после смерти превратившаяся в русалку [15, с. 287]. А.Н. Толстой использует такое обозначение русалок в «Русалочьих сказках» и в стихотворных циклах «Солнечные песни» и «За синими реками», но он переносит это наименование на всех русалок, в его стихах русалки-мавки – это красивые девушки. В сказке перед нами русалка-девочка. В тексте акцентируется ее дет-

скость: и личико детское, и леденцы – обычно это угощение для детей, и подарками (самоцветные камушки, янтарная нитка) она играет. На улицу к девушкам старик выносит ее за пазухой – она маленькая. Поэтому с ней и кот мог бы справиться, когда сталкивал ее с печи на пол и пытался схватить за горло. Возможно, дед и воспринимает ее как ребенка, дочку или внучку, к которой привязывается всей душой.

В конце сказки, когда дед выносит ее из дома, она становится ближе к воде, ей хватает сил причинить физическую боль старику и утащить его с собой в свой мир. Это одна из ее функций – утопить, забрать с собой, возможно, она хотела отомстить деду за то, что вырвал ее из родного дома. Э.В. Померанцева в своем исследовании, посвященном мифологическим существам в русском фольклоре и литературе, замечает, что действия демонических существ могут усложняться и приобретать психологическую мотивировку [13, с. 24]. Старик заслужил такое наказание. Русалка фактически стала пленницей в доме старика, поэтому и рвется из него, например, она просит разобрать крышу у дома, чтобы солнце на нее светило. Можно осуждать русалку, но такова ее природа и характер, что неоднократно отмечается и в фольклоре, и в литературе. По словам В.А. Головки, смерть старика показана традиционно – русалка защеконала деда Семена насмерть [9, с. 21]. Позволим не согласиться с исследователем в данном случае. Убийство русалкой в сказке Толстого больше похоже на способ высасывания крови вампирами или упырями:

«И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, – впиалась...

Замотал дед головой да – к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут» [18, с. 43].

Она сильно обижена на деда, злится, рвется скорее домой, которого ее лишили, отсюда такой способ смерти.

Сказка действительно получилась страшная: дано описание смерти кота и деда Семена, его посмертные мучения: «С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот» [18, с. 43]. Старик теперь становится заложным мертвецом, поскольку умер неестественной смертью, и он обречен находится на месте своей несчастной смерти в полном распоряжении у русалок и прочей нечисти [11, с. 40-56]. Сказка «Русалка», возможно, потому и расположена первой, что она учит остерегаться встречи с нечистой силой, не нарушать природные законы, не идти на контакт с нечистой силой и тем более не пустить ее в свой дом и свою жизнь. Ирония писателя в конце снимает ужас произошедшего и эмоциональное напряжение от прочитанного и настраивает на авторскую игру с читателем.

Во второй сказке «Иван да Марья» представлен традиционный сюжет волшебной сказки: отлучка героя – Ивана, запрет брата сестре петь песни и покидать дом; нарушение – Марья песню запела, русалки услышали, из дома выманили; его последствия: водяной Марью в жены забрал, в древяницу обратил. В волшебную сказку Толстой вплетает народную мифологию. Действие сказки разворачивается в купальские дни – последние дни пребывания русалок на земле, в это время они становятся наиболее опасными [11, с. 196, 272; 2, с. 405]. Приближается праздник Ивана-Купалы – день летнего солнцестояния, когда солнце находится в зените, оно самое яркое и горячее, его лучи проникают глубоко под воду, и русалки не находят себе покоя. Спасением для них становятся ясные лунные ночи, когда они выходят на землю и прячутся в деревьях, становясь древяницами.

Скучно было Марье сидеть за станком одной в доме, поэтому забыв о наказе брата, начала она петь песню. Причем, ее песня перекликается с миром русалок: она поет о золотом месяце, глубоком озере и темных водах. Песня послужила

своеобразным кличем для русалочек. Они, услышав песню сестры, поняли, что она осталась в доме одна, и пришли ее развеселить, да и передать в руки водяному. Известна власть водяного над русалками [11, с. 188], они и помогли ему Марью украсть. Девушка поняла, что нельзя связываться с нечистой, что неправильно она поступила, послушавшись наказа брата, но только было уже поздно: «обступили ее мавки, венки надели. – К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. – Взяли Марью за руки и закружились» [18, с. 44]. Д.К. Зеленин, рассказывая о жизни русалок, приводит интересные сведения о выборе русалками царицы – старшей над ними [11, с. 189], так и в сказке Толстого русалки выбирают Марью своей царицей как самую красивую. Неслучайно водяной ее давно себе в жены присмотрел, как раз в русальную неделю русалки празднуют свои свадьбы [11, с. 192].

Марья нарушила не только наказ брата из дома не выходить, песни не петь, сидеть тихо, как мышка, но и традиционные запреты троичко-русального периода на обычные женские домашние занятия: ткать, прясть, шить [6, с. 159], за что и поплатилась. Возвратившись домой, Иван находит только башмаки и пояс сестры на берегу озера. Позднее он сталкивается со своей сестрой в образе древяницы: водяной ее в липу оборотил. Любимыми деревьями русалок обычно считают березу и дуб, на ветвях которых они качаются или прячутся в их листве, но Д.К. Зеленин называет также липу [11, с. 172]. По народным представлениям, русалки могут превращаться в птиц или животных, деревья в славянском фольклоре в данном контексте не упоминаются. При этом широко известны троичские обряды с деревьями: по ним русалки спускались в мир людей, а в последний день русальной недели уходили обратно в демонологический мир [6, с. 190]. Ученые относят русалок к природным духам, указывая на их тесную связь с раститель-

ным миром, тогда дерево могло быть местом обитания души русалки [2, с. 310].

По народным поверьям, в чудесную купальскую ночь растения способны переходить с места на место и разговаривать человеческим языком [2, с. 553]. Иван сначала обдирает кору с липы, в которую превратилась Марья, для лаптей, а потом его ноги в сплетенных из лыка липы-сестры возвращают Ивана к этому дереву. Так он узнает, что случилось и кто перед ним. Марья-липа подсказывает брату, что необходимо найти Полынь-траву, чтобы освободить ее от водяного. Д.К. Зеленин полынь называет сильным растительным оберегом [11, с. 213]. Л.Н. Виноградова также пишет, что полынь – действенный оберег против русалок, этот способ защиты наиболее распространен в фольклорных верованиях [6, с. 54, 163]. Полынь – это трава с характерным неприятным запахом и горькая на вкус, вероятно, именно эти ее признаки отпугивали нечисть, и она приобрела апотропейное (магическое, оберегающее) свойство.

Далее действуют законы волшебной сказки: герой отправляется на поиски Полынь-травы. Иван, сам того не ведая, владеет волшебным средством в виде лаптей, которые знают дорогу и приводят его в зыбкое место, где растет Полынь-трава. Герой встречает дарителя, у Толстого это мужичок с локоток, красная шапочка, и выдерживает испытания – одолевает его в цыганской ухватке с помощью волшебных лаптей, вследствие чего получает от него Полынь-траву, которая и от водяного спасает, и человеческий облик сестре возвращает.

Т.А. Агапкина упоминает цветок иван-да-марья в связи с купальскими песнями, посвященными инцесту: о превращении брата и сестры в цветок после кровосмешения [2, с. 521]. А.Н. Толстой предлагает свою историю цветка, убирая кровосмесительную тему в подтекст сказки, на первом плане – забота брата о сестре и ее спасение, лишенная эротического подтекста. Сказка показывает ряд метаморфоз героини: русалки заманива-

ют девушку в озеро, она становится русалкой, водяной обращает ее в древяницу – липу, Иван возвращает сестре человеческий облик, но не может вернуть ей человеческую жизнь, тогда брат с сестрой покидают свой дом, уходят в поле и превращаются в цветок – иван-да-марья, который совмещает в себе два цвета и два начала. Он сине-желтый, в его цветах видят воплощение воды и огня, где вода – синий цвет – символизирует женское начало, огонь – желтый цвет – мужское. Уход героев «за темный лес – на чистом поле жить» [18, с. 45] можно рассматривать как уход в потусторонний мир, мир, лишенный человеческого присутствия [2, с. 550-551]. В сказке «Иван да Марья» писатель рассказывает свою легенду о цветке, дополняя ее новыми образами и подробностями, переплетая сказочные и фольклорные традиции.

В следующей сказке «Ведьмак» также появляются русалки. Основной сюжет связан с ведьмаком, который считает звезды на небе, гася их и радуясь появляющимся на их месте дыркам: через них дождь на землю льется и темно вокруг становится, а значит, можно идти людям вредить. Круглый месяц выступает на защиту и звезд на небе, и миропорядка в целом. В схватке с месяцем ведьмак откусил его половину и, мучаясь от боли, бросился в воду. Вероятно, в этой сказке Толстого представлен авторский вариант объяснения ущерба месяцу на небе. Русалки появляются лишь в конце сказки. Они показаны в своем мире – на дне реки. Это тоже мавки: «Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие» [18, с. 46]. Попавший на дно реки ведьмак пугает их, но сейчас он мучается от боли и бессилён причинить им какой-либо вред. Поэтому они его не боятся, подплывают ближе и заговаривают с ним. А когда ведьмак выплевывает кусок месяца и умирает, русалочки утаскивают кусок месяца на дно реки, где стало «стало светло, ясно и весело». Теперь под водой у русалок есть свой месяц, светом которого они любовались на земле. Как и в первой сказке этого цикла, А.Н. Тол-

стой придает русалкам детские черты. Писатель следует в создании их образа за фольклорными традициями, подчеркивая их связь со всем миром хтонических персонажей.

В сказке «Иван-царевич и Алая-Алица» русалки вместе с другими героями радуются наступлению весны. Центральным мотивом сказки становится мотив освобождение весеннего солнца из зимнего плена. Вещая лунь-птица приводит Ивана-царевича к зимнему терему, где у старого жиха серебряными цепями прикованная сидела весенняя царевна – Алая-Алица. Жиж (или жыж) – бог огня, его огонь и жар могут быть, как согревающими землю, так и губящими посевы, несущими засуху [20, с. 251]. Жиж сидит в тереме на нетопленной печурке, он сам является воплощением огня и жара, поэтому ему не нужно тепло печи. Пленив весеннюю царевну и охраняя ее, а поскольку он не покидает терем, то тем самым лишает землю тепла, продлевая пребывание на ней холодной зимы.

Поединок Ивана-царевича и жиха можно рассматривать как древний ритуал на рубеже календарного года, символизировавший обновление мира, переход к новой жизни [2, с. 143]. С убийством жиха стораает и белый терем: «упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и поняло терем» [18, с. 53]. В славянские ритуалы встречи весны одним из обязательных элементов входило разжигание костров, которым придавалось различное значение, в том числе – согреть весну [2, с. 111]. Огонь, уничтоживший терем, имеет в сказке также очистительное значение: очищение земли от хтонических существ и рождение весеннего солнца, пробуждение земли после зимнего сна [1, с. 350]. После того как рухнул терем, «сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья» [18, с. 53]. Русалки вместе со всеми приветствуют наступившую весну, позволяющую им выйти на землю, вволю поиграть, побегать, набраться сил: «прибежа-

ли тоненькие, синие еще от зимнего недоедания, русалки-мавки, закачались на деревьях». Они включаются в общую радость: «пришел журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался. Шум, гам, пение птичье...» [18, с. 53], создавая особую атмосферу весеннего праздника.

Авторская литературная сказка, построенная на фольклорном материале, всегда переосмысляет его, вносит новые коннотации в традиционные образы и трактовки фольклорных сюжетов; расширяет мир фольклорной сказки, конкретизируя художественное пространство, включая дополнительных персонажей в традиционный состав или создавая новые образы.

В своих сказках А.Н. Толстой не зависимо от внешнего облика называет всех русалок мавки, хотя в художественном мире писателя можно выделить несколько их видов. 1) Русалки – девочки с рыбьим хвостом, маленькие по размеру («Русалка», «Ведьмак»). От того, что это маленькая русалка, она не перестает быть опасным и злым существом, сохраняя при этом детскость, непосредственность, беспечность в своем поведении, но не стоит терять бдительность при встрече даже с маленькими русалочками. В описании внешности писатель не романтизирует ее, подробный портрет русалок в сказках отсутствует, но обозначенные в тексте детали подчеркивают ее рыбоинфернальную сущность.

2) Русалки – молодые девушки: хороводы водят, на ветках деревьев качаются («Иван да Марья», «Иван-царевич и Алая-Алица») и 3) древяницы – русалки, поселившиеся /схоронившиеся в деревья («Иван и Марья»). Русалка принадлежит к потустороннему миру, она является вредоносным и опасным для человека существом. Писатель не только показывает встречу человека и русалки как представителя низшей демонологии и ее последствий («Русалка», «Иван да Марья»), а также приглашает читателя в мир

русалок, предлагает погрузиться на дно речки («Ведьмак») или присоединиться к общему ликованию («Иван-царевич и Алая-Алица»). В сказках появляется психологическая мотивировка поведения фольклорного образа и становится понятным вымещение обиды или веселье и радость героев.

В цикле можно заметить эволюцию авторского представления образа русалки: от опасного, способного извести человека, до беззаботного игривого существа, радующегося вместе со всеми. В отличие от первых двух сказок в следующих русалки показаны в своем мире – это река или лес, где они благополучно соседствуют с другими фольклорными образами и природными жителями (водяной, ведьмак, леший, позык, журавль, кукушка). В «Русалочьих сказках» Толстой представляет мир народной демонологии, который, по народным представлениям, соседствует рядом с человеком. Обитатели обоих миров живут в согласии только в том случае, если соблюдаются сложившиеся веками правила существования и

не нарушаются нормы взаимоотношений и не ломается традиционный уклад жизни.

Сказки Толстого демонстрируют прекрасное знание писателем фольклорно-мифологических демонических образов, обрядов и ритуалов, народного календаря и традиционного уклада жизни древних славян. Его литературные сказки оказываются настолько близки к фольклорным, что сами начинают восприниматься как народное произведение. В книге «Легенды и мифы о растениях» в статье о цветке иван-да-марья в качестве фольклорного источника приведена одноименная сказка А.Н. Толстого без каких-либо оговорок [12, с. 195-204]. Е.А. Самоделова также отмечает случай, когда сказка А.Н. Толстого «Еж-богатырь» попала в фольклорный справочник сравнительного указания сказочных сюжетов как русская народная сказка [14, с. 229]. Это говорит о точном попадании писателя в народную стилистику и народномифологическое сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т.А. Весна // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 84-86.
2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002.
3. Аникин В.П. Комментарии // Толстой А.Н. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 8. Произведения для детей. М.: Худож. литер., 1985. С. 432-474
4. Валенцова М.М., Виноградова Л.Н. Колодец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 536-541.
5. Виноградова Л.Н. Русалка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 495-501.
6. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: «Индрик», 2000.
7. Воспоминания о А.Н. Толстом. М.: Совет. писатель, 1982.
8. Головкин В.А., Жиркова Е.А., Свитенко Н.В. Жанр былички в цикле «Русалочьи сказки» А.Н. Толстого // Филологические науки. вопросы теории и практики. № 12-1 (90). 2018. С. 23-26.
9. Головкин В.А. Трансформации образов народной демонологии в цикле «Русалочьи сказки» А.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1. С. 18–23.
10. Гура А.В. Кошка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 637-640.
11. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки славянской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.

12. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / Сост. Л.М. Мартыанова. М.: «Центрполиграф», 2014.
13. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.
14. Самодорова Е.А. А.Н. Толстой – фольклорист // Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: «Литературный музей», 2017. С. 216-232.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 17 / Гл. ред. Ф.П. Филин. СПб.: Наука, 1981.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 27 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992.
17. Толстая Е. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
18. Толстой А.Н. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 8. Произведения для детей. М.: Худож. литер., 1985.
19. Травников С.В. Образ русалки в литературе и фольклоре пушкинского времени // Пушкинские чтения: сб. науч. работ. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 28-37.
20. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2003.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Agapkina T.A. Vesna // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 84-86.
2. Agapkina T.A. Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl. M.: «Indrik», 2002.
3. Anikin V.P. Kommentarii // Tolstoj A.N. Poln. sobr. soch. v 10 t. T. 8. Proizvedeniya dlja detej. M.: Hudozh. liter., 1985. S. 432-474
4. Valencova M.M., Vinogradova L.N. Kolodec // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisti-cheskiy slovar': V 5 t. / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 536- 541.
5. Vinogradova L.N. Rusalka // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2009. S. 495-501.
6. Vinogradova L.N. Narodnaja demonologija i mifo-ritual'naja tradicija slavjan. M.: «Indrik», 2000.
7. Vospominaniya o A.N. Tolstom. M.: Sovet. pisatel', 1982.
2. Golovko V.A., Zhirkova E.A., Svitenko N.V. Zhanr bylichki v cikle «Rusaloch'i skazki» A.N. Tolstogo // Filologicheskie nauki. voprosy teorii i praktiki. № 12-1 (90). 2018. S. 23-26.
3. Golovko V.A. Transformacii obrazov narodnoj demonologii v cikle «Rusaloch'i skaz-ki» A. N. Tolstogo // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13, № 1. S. 18–23.
4. Gura A.V. Koshka // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 637-640.
5. Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Ocherki slavjanckoj mifologii: umershie neestestven-noj smert'ju i rusalki. M.: Indrik, 1995.
6. Legendy i mify o rastenija. Legendy Drevnego Vostoka, jazycheskie mify, antichnye predaniya, biblejskie istorii / Sost. L.M. Mart'janova. M.: «Centropoligraf», 2014.
7. Pomeranceva Je.V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре. M.: Nauka, 1975.
8. Samodelova E.A. A.N. Tolstoj – fol'klorist // Aleksej Tolstoj: dialogi so vreme-nem. M.: «Literaturnyj muzej», 2017. S. 216-232.
9. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 17 / Gl. red. F.P. Filin. SPb.: Nauka, 1981.
10. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 27 / Gl. red. F.P. Sorokoletov. SPb.: Nauka, 1992.
11. Tolstaja E. Kljuchi schast'ja: Aleksej Tolstoj i literaturnyj Peterburg. M.: Novoe li-teraturnoe obozrenie, 2013.
12. Tolstoj A.N. Poln. sobr. soch. v 10 t. T. 8. Proizvedeniya dlja detej. M.: Hudozh. liter., 1985.
13. Travnikov S.V. Obraz rusalki v literature i fol'klоре pushkinskogo vremeni // Push-kinskie chteniya: sb. nauch. rabot. M.: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2019. S. 28-37.
14. Shaparova N.S. Kratkaja jenciklopedija slavjanskij mifologii. M.: ООО «Izdatel'stvo AST»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Russkie slovari», 2003.

Поступила в редакцию 01.02.2021.

Принята к публикации 06.02.2021.

Для цитирования:

Жиркова М.А., Шевченко Л.А. Образ русалки в «Русалочьих сказках» А.Н. Толстого // Гуманитарный научный вестник. 2021. №2. С. 123-133. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/02/Zhirkova.pdf>